

DOI 10.37386/2305-4077-2021-4-108-130

Е. А. Головачева¹

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ КОНЦЕПТА СЕМЬЯ В НЕМЕЦКИХ ПЕРЕВОДАХ РОМАНА Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Рассмотрены особенности воспроизведения концепта «семья» в разновременных переводах романа Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» на немецкий язык. Материалом исследования послужили наиболее репрезентативные эпизоды, выбранные из ставших фактами немецкой культуры переводов романа, выполненных В.Генкелем, Э.Кэррик, А.Элиасбергом и С.Гайер, в которых концепт «семья» объективируется посредством лексем, входящих в ядро его номинативного поля и расширяющих его авторских элементов. Установлено, что благодаря принадлежности семьи базовым ценностям традиционных культур переводчикам удалось избежать серьезных смысловых искажений и воспроизвести основные аксиологические доминанты, заложенные в романе. Однако при воспроизведении ряда авторских признаков концепта обнаруживаются небольшие потери и смысловые приращения, обусловленные языковой и культурной асимметрией двух языков, а также недостаточным вниманием переводчиков к особенностям стиля Достоевского.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Преступление и наказание», Германия, рецепция, художественный перевод, концепт, идиостиль

E. A. Golovacheva*National Research Tomsk Polytechnic University*

THE PECULIARITIES OF THE «FAMILY» CONCEPT TRANSFER IN THE GERMAN TRANSLATIONS OF THE NOVEL «CRIME AND PUNISHMENT» BY F. M. DOSTOEVSKY

The article focuses on the peculiarities of specific cultural elements and the features of the concept «family» transfer in four German translations of F. M. Dostoevsky's novel «Crime and Punishment». The material of the research is the most representative episode analysis (selected from the factual German translations of the novel by V.Genkel, E. Kerrik, A. Eliasberg, S. Geier), where the concept of family is objectified through lexemes comprising the nucleus of its nominal field as well as through the author's elements that expand it. Thanks to the family's adherence to the basic values of traditional cultures, the translators avoided serious semantic distortions and reached the maximum level of equivalence in their translations. The causes of reduction and intensification of some concept features are due to the linguistic and cultural asymmetry, as well as the lack of attention of translators to the features of Dostoevsky's style.

Keywords: F.V.Dostoevsky, «Crime and Punishment», literary translation, concept, English language, reception, author's style

¹ Екатерина Александровна Головачева – аспирант Отделения русского языка Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск).

На актуальность изучения компаративных аспектов и вопросов рецепции² произведений Достоевского указывает значительное количество публикаций современных отечественных и зарубежных исследователей [Backès, 1972, Leatherbagow, 1995, Выкупил, 1995, Gerigk, 2000, Достоевский: материалы и исследования, 2013, Достоевский и XX век, 2013, Фокин, 2013], в том числе посвященных изучению переводов наследия писателя на иностранные языки [Кореневская, 2011, Булгакова, 2018, Шатохина, 2020, Rayfield, 2018]. В исследованиях последних десятилетий ставится вопрос о полноте передачи отдельных элементов знакового³ для Германии романа «Преступление и наказание» [Выкупил, 1995, Васильева, 2008]. Однако задача последовательного изучения воспроизведения в немецких переводах идейно-художественного содержания и формы данного произведения до настоящего времени не ставилась.

«Преступление и наказание» занимает особое место в истории вхождения и восприятия наследия Достоевского в немецкую культуру и становится важнейшим из произведений писателя в кругах представителей европейской словесной культуры [Дудкин, Азадовский, 1973, с. 668]. В наши дни роман остается в Германии одним из самых читаемых произведений Достоевского, что подтверждает количество его переводов и переизданий⁴. Материалом исследования явились наиболее часто переиздаваемые его переводы на немецкий язык: В. Генкеля (1882) [Dostojewski, 1882], Е. К. Разина (Э. Кэррик) (1908) [Dostojewski, 1908], А. С. Элиасберга (1921) [Dostojewski, 1921], С. Гайер (1994) [Dostojewski, 1994]. Данный выбор обусловлен особой ролью каждого перевода в истории рецепции произведения в Германии. Первый явился фактом ранней рецепции романа в немецкой культуре и на долгие годы определил характер восприятия «Преступления и наказания» читателями [Дудкин, Азадовский, 1973, с. 667–669]. Перевод Разин (Кэррик)⁵ и Элиасберга входят в немецкие собрания сочинений писателя и имеют значительное количество переизданий (не менее 8 и 4 соответственно)⁶. Перевод Элиасберга интересен также билингвизмом автора и переизданием его версии «Преступления и наказания» в XXI веке [Dostojewski, 2015], [Dostojewski, 2019]. Гайер, автор последнего перевода, также знала в совершенстве русский и немецкий. Исследователи отмечают ее новаторский

² Термин «рецепция» в настоящей работе включает в себя три аспекта: критический, научно-исследовательский и переводческий.

³ О роли данного произведения в истории рецепции Достоевского в Германии см. работы [Дудкин, Азадовский, 1973]

⁴ К настоящему моменту известно 23 перевода романа «Преступление и наказание». Для сравнения: «Братья Карамазовы» (12), «Бесы» (12), «Подросток» (6), «Игрок» (6), «Бедные люди» (4), «Идиот» (2). Отдельные переводы переизданы не менее 8 раз.

⁵ В качестве автора перевода был указан Е.К. Rahsin (Разин) – псевдоним Элизабет Кэррик [Кэррик, с.3]. Далее в статье для обозначения переводов, выполненных Э. Кэррик, автором статьи указывается только фамилия переводчицы.

⁶ Кол-во всех переводов проводился с использованием баз данных WorldCat [URL: <https://www.worldcat.org/>], Deutsche National Bibliothek [URL: <https://www.dnb.de/>].

подход к работе и высокое признание ее перевода «Преступления и наказания» в немецких филологических кругах⁷, что выразилось в его преобладании на полках современных книжных магазинов Германии.

В основе методологии сопоставительного анализа переводов в настоящем исследовании используется концептологический анализ, который дает возможность систематизировать изучение переводов произведений крупной повествовательной формы, выявить факты соответствия смыслового, поэтического и словесного уровней перевода оригиналу, объяснить причины трансформаций и глубже осмыслить процессы восприятия творчества Достоевского в немецкой культуре.

Важную роль в смыслообразовании и поэтике романа «Преступление и наказание» исполняют взаимосвязанные сюжетообразующие концепты «преступление» и «наказание» [Головачева, 2017, с. 25–29], при этом принципиально значимый аксиологический пласт произведения формирует концепт «семья» (далее КС), уточняющий существенные для идеи произведения детали картины современной русской жизни и проявляющийся на важнейших уровнях поэтики (жанр, композиция, сюжет, система персонажей) [Головачева, Седелникова, 2020, т. 42, с. 8–18]. Рассматривая разрушение православных основ национального бытия, Достоевский вводит в ближнюю периферию номинативного поля КС комплекс негативных признаков (*болезнь, несчастье, рабство, жертвенность, насилие, бедность, смерть, разрушение* с субпризнаками *духовный распад, отсутствие любви, утрата ответственности, одиночество / вынужденный уход, презрение к традициям, неверность*), которые расширяют аксиологический потенциал проблематики романа и поддерживают трагическое напряжение сюжета. Для изображения идеальной модели семьи в представлениях героев (Мармеладова, Пульхерии Александровны, Раскольников, Катерины Ивановны) автор вводит в дальнюю периферию традиционные для РЯКМ положительные признаки КС (*ценность, единство, порядочность, любовь / милосердие*) [Добровольская, 2005, с. 54–83, Занегина, 2011, с. 26–27].

В немецкой картине мира, как и в большинстве традиционных культур, КС относится к категории базовых [Гунышова, 2007, с. 210–211]. Ядерное значение концепта связано с пониманием семьи как формы социальной общности людей. В немецком языке большая часть признаков данного концепта связана с ориентацией на человека как социальную сущность, очевидна его связь с понятиями *родство, сплоченность, взаимопомощь, защищенность* [Гунышова, 2007]. Кроме того, в немецком языковом сознании семья осмысливается как объект заботы и ответственности одновременно [Гунышова, 2007]. Центральным элементом номинативного поля КС в немецкой культуре является слово «Familie». Лексема появляется только в XV веке. Примечательно, что М. Лютер предпочитал использовать не слово «семья», а сочетания слов «Weib und Kind» (женщина и ребенок), «Haus und Hof» (дом и двор) [Demandt, 2007, s. 80], разграничивая

⁷ Подробно об этом в статье Die Sprache des “Feindes” als Befreierin. [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.swissinfo.ch/ger/die-sprache-des--feindes--als-befreierin/8163458> (12.06.2020).

понятия *единство родства* и *хозяйственно-экономическая единица*. Значения лексемы «Familie», представленные в толковых словарях «Wahring» и «Duden», свидетельствуют о том, что в русском и немецком языках присутствуют незначительные отличия в их семантике: в немецкой культуре понятие «Familie» связано с узким кругом родственников (родители с детьми) [Duden, 1997, 2001, Wahrig, 2006], а в русском языке включает более широкий круг родственных связей [Даль, 2002, Фасмер, 1987]. Предполагается, что в связи с универсальностью ценности семьи для традиционных культур и общностью христианских взглядов на брак и воспитание детей в обеих культурах КС в немецких переводах будет воспроизведен без потерь.

В настоящем исследовании мы обратимся к рассмотрению наиболее репрезентативных эпизодов романа, в которых КС объективируется посредством лексем, входящих в ядро его номинативного поля, и расширяющих его авторских элементов, рассмотрим полноту воспроизведения в указанных немецких переводах существенных для романной картины мира признаков *болезнь, утрата ответственности, бедность, рабство, насилие, уход из семьи, разрушение семьи, единство*. В качестве критериев оценки смысловой и поэтической эквивалентности перевода следует принимать во внимание максимально возможную передачу смысловых оттенков репрезентантов концепта и их ближайшего контекста, особенностей идиостиля писателя, ритмики, синтаксиса и т.д. Наиболее полное воспроизведение всех вышеперечисленных аспектов с точки зрения правил и норм переводящего языка говорит в пользу адекватности передачи аксиологического пласта КС.

Наиболее ярко КС актуализирован уже в экспозиции романа при описании трагической судьбы семьи Мармеладовых, столкнувшейся с губительной окружающей действительностью и переживающей духовный и физический кризис. В сцене в трактире Раскольников суммирует свои впечатления о главе семьи: «*Этот кабак, развращенный вид, пять ночей на сенных барках и штоф, а вместе с тем эта болезненная любовь к жене и семье...*»⁸ (т. 6, с. 19). При работе с первым фрагментом, в котором КС актуализирует печальную историю Мармеладовых, перед переводчиками встает задача передать на немецкий язык болезненную страсть к выпивке и дисгармоничность образа отца семейства, воспроизвести признаки *болезнь* и *утрата ответственности*.

В данном эпизоде исследуемый концепт представлен в первую очередь номинативной лексемой *семья* и *жена*. Все переводчики единодушно в выборе лексем *Familie* (*семья*) и *Frau* (*женщина / жена*). Стоит отметить, что последнее существительное имеет в немецком более широкое значение, нежели *жена* в русском. В Германии оно обозначает вообще всех представительниц женского пола. Примечательно, что ни один из переводчиков не употребляет лексему *Ehefrau* (*жена*), имеющее более узкое значение. Соседство существительного *женщина* с лексемой *семья* позволяет переводчикам достаточно точно передать смысл оригинала.

⁸ Здесь и далее выделение шрифтом наше. – Е.Г.

Для передачи *состояния* Мармеладова Генкель, Кэррик и Элиасберг выбрали словосочетание *krankhafte Liebe* (полная болезни любовь). Гайер прибегает к выражению *die quälende Liebe* (мучительная любовь). На первый взгляд, решение остальных переводчиков можно было бы назвать более удачным, так как они используют лексему, приближенную оригиналу. Гайер же предпочитает подчеркнуть не физическое болезненное состояние Мармеладова, а его внутренние переживания, мучительную любовь к семье. Состояние, испытываемое Раскольниковым в момент обдумывания преступления, также передано в тексте подлинника с помощью лексемы *мучительно* (с. 57, 66, 77, 74, 81 и т.д.). Таким образом, Гайер подчеркивает связь этих двух персонажей, которые находятся в состоянии эмоционального напряжения, переживают за судьбу своих родных. С другой стороны, выбор лексемы *мучительная* приводит к нейтрализации признака *болезнь*, передающего духовную и физическую болезнь Мармеладова.

Всем переводчикам удастся точно воспроизвести выражение *развращенный вид*, объективирующее признак *утрата ответственности*: Генкель использует сочетание *liederliche Äußere* (распутная / нерядливая внешность), Элиасберг – *liederliches Aussehen* (распутный / нерядливый вид / наружность), Кэррик и Гайер – *das verkommene Aussehen* (опустившийся / непутевый внешний вид). Внимание переводчиков к выбору лексем позволяет изобразить опустившегося человека, утратившего способность взять ответственность за свои поступки. Таким образом, противопоставление Мармеладова сложившемуся в немецкой культуре образу отца, который должен выполнять роль кормильца, решать важные вопросы и обеспечивать безопасность своей семьи [Nuss, 1993, с. 84–89, 195, Münch, 1984, с. 9, 56, Pross, 1982, с. 33], может быть легко прочитано носителями немецкого языка.

На характер социальной болезни Мармеладова, выраженной его пристрастием к выпивке, которая и приводит героя к духовной и физической гибели, указывает лексема *штоф* и другие существительные, характеризующие окружающий Мармеладова топос, заменивший герою дом, теплоту и радость семейных отношений: *сенные барки, кабак, распивочные* (с. 19). Кэррик, Элиасберг и Гайер для передачи существительного *кабак* используют лексему *Schenke* (кабак / трактир). Данная лексема происходит от глагола *schenken* (наливать / дарить), была общеупотребительной в 18-м веке и обозначала узкие комнаты, в которых приходилось сидеть гостям, тесно прижавшись друг к другу. Лишь Генкель прибегает к существительному *Kneipe* (кабак / пивная). Как следует из этимологического значения данной лексемы, она становится наиболее распространенной в 18-м веке в студенческих кругах и имеет несколько значений: 1) скверное и грязное заведение (кабак); 2) очень маленькое помещение, тесная студенческая комната⁹. Распространенное в наше время выражение

⁹ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/Kneipe> (13.09.2020).

«eine Kneipentour machen» (ползать / делать тур по кабакам) имеет значение посещение одного за другим баров, вызванное недостойным поведением и отсутствием средств оплаты за алкоголь [Duden, 1997, 2001, Wahrig, 2006]¹⁰. Таким образом, лексема *Kneip* имеет сниженное значение, зачастую не предполагающее культуру питья. За счет данного переводческого решения Генкель акцентирует внимание на неприглядном топосе, в котором оказывается Мармеладов, а также напоминает читателю о положении Раскольникова, который проживает в съемной и тесной *каморке*, напоминающей гроб. Внимательное отношение Генкеля к данной детали можно объяснить тем, что в натуралистическую эпоху особое значение уделялось влиянию среды на личность и поведение человека. С другой стороны, тут сказался и значительный опыт знакомства первого переводчика романа с русской культурой изображаемой эпохи и знание русского языка [Loew, с. 14–37]. Таким образом, выбор данного существительного Генкелем можно назвать переводческой находкой.

Для передачи заимствования из немецкого *штоф* [Даль, 1880–1882, с. 580] все переводчики избегают использования слова *Stoff* (*штоф*), делая выбор в пользу эквивалентных слов *Schnapsflasche* (*бутылка с инансом*) и *Brenntweinflasche* (*бутылка с крепким вином*). Это обусловлено тем, что одна и та же лексема в двух языках имеет разное значение. Существительное *штоф* в русском языке первоначально употреблялось для обозначения меры объема крепкого алкогольного напитка, а позже для наименования сосуда для спиртных напитков [Фасмер, 1987]. В немецком языке лексема становится наиболее употребляемой в студенческих кругах в XIX в. и приобретает значение легкого алкогольного напитка – пива [Duden, 1997, 2001, Wahrig, 2006]. Таким образом, все переводчики внимательно отнеслись к возможным трансформациям заимствованного слова и обошли неточность при его воспроизведении.

Рассмотрим еще одну реалию, характерную для России пореформенного периода. Как указывают материалы исторических этюдов, характеризующих неприглядность петербургской жизни, «сенные барки» являлись «новым, своеобразным гнездом петербургских бесприютных бродяг», зимой служили местом ночлега для бездомных [Михневич, 1886, с. 51]. В первых трех переводах романа в этом случае используется слово *Heubarken* (*сенные барки*), понятное для носителей языка, но не акцентирующее в их сознании ненормальность такого жилища [Wahrig, 2006]. Гайер обращается к более распространенному в немецком языке слову *Heukähnen* (*сенной сарай*), имеющему и более широкий смысл. Входящая в него лексема *Kähnen* является производным от *Kahn* (лодка / заключение), обозначает не только маленькую лодку, но также в переносном смысле указывает на помещение для сна и содержания преступника [Duden, 2001]. В данном случае выбор слова помогает переводчице передать символический смысл петербургских реалий того времени, когда сенные барки служили основным местом обитания для обнищавших людей.

¹⁰ Kneipe . URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Kneipe> (12.12.2019).

Таким образом, признак *утрата ответственности* передан во всех переводах без потерь, признак *болезнь* воспроизведен более полно у Генкеля, Кэррик и Элиасберга. Гайер нейтрализует признак *болезнь*, перенося смысловой акцент на признак *мучительство*. Реалии русской жизни пореформенного периода и быта, а также тенденции к обнищанию общества и распространению пьянства наиболее точно удалось сохранить Генкелю и Гайер.

Признак *болезнь* характеризует главу семьи и проявляется на протяжении всего романного действия, но особую активность приобретает вновь в развязке романа в сцене поминок Мармеладова. Слова Катерины Ивановны акцентируют внимание читателя на главном пороке ее мужа – пьянстве. Кроме того, в рассмотренном ниже эпизоде переводчикам необходимо воспроизвести признаки *болезнь*, *утрата ответственности* и *порядочность*:

«Покойник **муж**, действительно, имел эту слабость, и это всем известно <...> но это был человек добрый и благородный, любивший и уважавший семью свою; одно худо, что по доброте своей слишком доверялся всяким развратным людям и уж бог знает с кем он не пил, с теми, которые даже подошвы его не стоили! <...>» (с. 296).

Сочетание прилагательных *добрый* и *благородный* во всех вариантах переведено как *guter und edler* (*хороший / добрый и благородный*). В немецких вариантах семантика прилагательного *guter* в первую очередь имеет значение *хороший*, что дополнительно подчеркивает амбивалентность чувств Катерины Ивановны по отношению к покойному мужу, а также усиливает антитезу при характеристике главы семьи – наличие положительных черт и неспособность справиться со своими пороками.

Инверсия *семью свою* позволяет акцентировать внимание читателя на словах Катерины Ивановны, подчеркивающих значение семьи в жизни Мармеладова. Передать нюансы данной фразы средствами немецкого языка невозможно, поэтому переводчики прибегают к трансформациям. Генкель, Кэррик и Гайер заменяют причастный оборот (*любивший и уважавший семью свою*), присутствующий в оригинале, определительным придаточным предложением с сохранением порядка слов, соответствующего нормам немецкого языка, – *который свою семью любил и уважал* (*der seine Familie liebte und ehrte / achtete*). Кэррик, Элиасберг и Гайер единодушны в выборе лексем *liebte und achtete* (*любил и уважал / ценил*). Генкель в последнем случае использует слово *ehrte* (*чтил / почитал*), акцентирует внутреннюю форму лексемы оригинала и передает почтение, которое Мармеладов действительно испытывал по отношению к жене («...**супруга моя в благородном губернском дворянском институте воспитывалась и при выпуске с шалью танцевала при губернаторе и при прочих лицах, за что золотую медаль и похвальный лист получила**» (с. 15), «...**когда она и вихры мои дерет, то дерет их не иначе как от жалости сердца**» (с. 15)). Таким образом, переводчик обозначает все лучшее, что было в ее несчастном муже, который и терял человеческий облик, но был в высшей степени добр и порядочен. Элиасберг не прибегает к придаточному

предложению, а использует повторяющийся союза «и» (*и любил и уважал свою семью / und liebte und achtete*), вероятно, пытаясь компенсировать в переводе тот смысловой нюанс (роль семьи в жизни Мармеладова), который присутствует в оригинальном тексте в реплике Катерины Ивановны.

Отметим, что в переводе Гайер пристрастие Мармеладова к выпивке приобретает не только характер болезни, но и страдания – *litt an dieser Schwäche* (*страдал / болел от этой слабости*), она в очередной раз акцентирует внимание читателя на мучительном положении Мармеладова, о котором впервые узнает Раскольников¹¹. При этом в заключительном предложении она упускает указание на собутыльников Мармеладова, его слабость к соблазну – *с кем он не пил*, несколько редуцируя признаки *болезнь* и *утрата ответственности*.

Таким образом, во всех переводах наблюдается достаточно точное воспроизведение именных лексем концепта семья и его важных авторских признаков. С незначительными потерями был воспроизведен синтаксис оригинала, что объясняется различиями в организации порядка слов в немецком и русском языках. В связи с этим в переводах Генкеля, Кэррик и Гайер был несколько нейтрализован признак *порядочность*, нарочито подчеркнутый во второй части реплики Катерины Ивановны. В переводе Гайер отмечается нейтрализация значимого для идеи романа признака *болезнь* и акцентируется внимание на признаке *мучительство*. Допущенные трансформации обусловлены важнейшими особенностями понимания фигуры отца в немецкой культуре, для которой характерна авторитарно-патриархальная модель семьи, предполагающая высокую степень ответственности, дисциплинированности и пунктуальности ее главы [Münch, 1984, с. 9, 56, 260, Nuss, 1993, с. 84–86, 126].

Внутренняя драма Мармеладова и желание сохранить свою семью переданы в реплике, которая описывает последовательность действий героя по ее восстановлению. Пред переводчиками встает задача воспроизведения авторских признаков КС (*бедность, уход из семьи*), а также традиционного для РЯКМ признака *единство*:

И в продолжение всего того райского дня моей жизни и всего того вечера я и сам в мечтаниях летучих препровождал: и то есть как я это всё устрою, и ребятишек одену, и ей (жене – прим. мое – Е.Г.) покой дам, и дочь мою единородную от бесчестья в лоно семьи возвращу... (с. 19).

Для описания планируемых Мармеладовым шагов по воссоединению семьи Достоевский вводит лексемы *райского дня, мечтаниях летучих*, указывающие на мечтательность его натуры, психологическую неспособность постоять за счастье своей семьи [Головачева, 2020, т. 42, с. 11]. Определение *райского* апеллирует к ветхозаветному смыслу безвозвратно утраченного по причине собственной слабости и беспечности рая, а также соотносится с эсхатологическим значением обретенного рая после земной смерти и познания греха, страданий и мучений. Генкель упускает в своем переводе выражение *мечтаниях летучих*, заменяя

¹¹ «Для того и пью, что в питии сем сострадания и чувства ищу. Не веселья, а единой скорби ищу... Пью, ибо сугубо страдать хочу!» (с. 15).

его на стилистически-нейтральное *meine Phantasie* (моя фантазия), разрушает смысловый потенциал лексемы *мечта*, заложенный Достоевским – передать суть натуры героя, подчеркнуть желание Мармеладова улучшить положение своей семьи. С другой стороны – на несбыточность данной идеи и попытку самообмана. Кроме того, перевод Генкеля характеризуется множественными стилистическими приращениями и лексическими дополнениями, которые не свойственны речи Мармеладова в оригинальном тексте: *in voller Thätigkeit* (в полном действии), *wohl* (пожалуй), *Behaglichkeit* (уют). Первый переводчик, по-видимому, посчитал необходимым несколько исправить стиль Достоевского и привнести в речь Мармеладова определенную степень изящества, не свойственную ему. Вероятно, такой подход связан с культурными традициями натуралистического периода рецепции Достоевского, когда особенности идиостиля писателя еще были осознаны в европейских литературных кругах (Vogüé, 1886, Дудкин, Азадовский, 1973, с. 645). В переводе Кэррик обнаруживается ослабление романтической окрашенности лексем, указывающих на мечтательность героя. Она заменяет лексему *райского* на определение *небесного* (*himmlischen Tag meines Lebens* – небесный день моей жизни), редуцирует ветхозаветные аллюзии данного выражения в авторском переосмыслении. В переводах Элиасберга и Гайер данные маркированные лексемы, вносящие важные штрихи в образ Мармеладова, переданы без потерь.

Признак *бедность* актуализирован за счет словосочетания *ребятишек одену*. В переводе Генкеля используется выражение *die Kinder neu kleiden würde* (одел бы детей снова / по новой), употребление лексемы *neu* (новый / снова / вновь) несколько редуцирует семантику обнищания семьи Мармеладовых, которая уже долгое время находится в состоянии крайней бедности. В переводах Кэррик, Элиасберга и Гайер используются выражения *Kleidung verschaffen* (обеспечу одеждой), *Kleider kaufen werde* (куплю одежду), *kleiden* (одену) соответственно. Наиболее приближенным к оригиналу и точным в передаче семантики признака *бедность* оказался, таким образом, перевод Гайер.

Любовное отношение Мармеладова к своим детям подчеркнуто в тексте подлинника с помощью суффикса «-ишк» (*ребятишек*). Только Гайер удалось без потерь решить проблему передачи этой характерной особенности русской речи за счет добавления распространенного в немецком языке в обыденной речи и в литературе уменьшительно-ласкательного суффикса «-chen» (*Kinderchen* / *детушки*), добиваясь аналогичных русскому звучания и смысла. Остальные переводчики не уделили внимание данной стилистической особенности, поэтому им не удалось подчеркнуть такую важную черту русской культуры и характера главы семьи, как нежное отношение к своим детям.

Признак *единство* передан в рассматриваемом эпизоде словом *лоно*, указывающем на место благополучного развития ребенка и избавление от греха (бесчестья), а также актуализирующем патриархальные смыслы связи человека со своей семьей и отчим кровом. Все переводчики используют лексему *Schoß* (*лоно* / *чрево*), которое передает семантику русского слова. Данное

существительное употребляется также в «Притче о богаче и Лазаре» – *Abrahams Schoß (лоно Авраамово)* [Wahrig, 2006] и обозначает место упокоения праведников в царстве мертвых, символизирует рай. Таким образом, переводчикам удалось без потерь передать надежду Мармеладова на восстановление семьи и обретение гармонии. В силу отсутствия в немецком языке полного семантического аналога лексемы *единородную* переводчики используют прилагательное *einzig*¹². Данное обстоятельство ведет к некоторой редукции смыслового акцента, заложенного в словах Мармеладова, – осмысление им трагедии сложившейся ситуации, понимание им того, что единственная *родная (единородная)* дочь вынуждена жертвовать собой ради неподъемной для отца миссии спасения усыновленных детей.

Отдельного внимания заслуживает работа переводчиков с синтаксисом. В тексте оригинала первая часть фразы заканчивается двоеточием. Данный знак препинания подчеркивает комплекс действий Мармеладова по восстановлению семьи, запланированных в его мечтах, обобщает последовательные шаги героя, которые во второй части фразы обозначены однородными сказуемыми. Восприятие переводчиками значимых особенностей грамматики разбираемого предложения осложняется разговорной природой фрагмента, под воздействием которой редуцировано обобщающее слово перед двоеточием, легко реконструируемое носителями языка Каждое действие героя предвьяет повторяющийся союз «и». Сложный синтаксис усиливает впечатление об искреннем и сильном желании Мармеладова возродить семью, гибнущую без отчей опеки, а также свидетельствует о том, что в его сознании сохранились аксиологические ориентиры. В немецком языке употребление конструкций с двоеточием перед перечислением и после обобщающего слова встречается достаточно часто. Однако в переводе Генкеля двоеточие, объединяющее все действия после фразы *war meine Phantasie in voller Thätigkeit (была моя фантазия в полном действии)*, упущено. Переводчик начинает каждую фразу второй части предложения с лексемы *wie (как)*, не используя повторяющийся союз «и». В варианте, предложенном Кэррик, двоеточие заменено тире, которое в немецком используется, чтобы обозначить неожиданное событие, следующее за каким-то действием. В ее переводе также отсутствуют значимые повторы союза «и». Элиасберг сохраняет синтаксис оригинала лишь частично, упускает два из четырех повторов союза «и», заменяет их союзом *wie (как)*. Полного синтаксического соответствия добивается лишь Гайер. Таким образом, только в новейшем варианте особое внимание переводчика к идиостилю писателя и синтаксису текста подлинника позволяет без потерь воссоздать образ Мармеладова и передать признак *единство*.

В первой части романа Достоевский акцентирует внимание на социальном положении женщины в обществе¹³. Показательным эпизодом, изображающим разрушение семейных отношений, утрату ответственности за судьбу ближних и особенно детей, является история с пьяной девочкой: «...*мать узнает... Сначала прибьет, а потом высечет, больно и с позором, пожалуй и сгонит...*» (с. 43).

¹² Единственную (дочь). – прим. мое. Е.Г.

¹³ Подробно об этом [Головачева, 2020, т.42, с. 12].

В фрагменте актуализированы признаки *уход из семьи (сгонит)* и *физическое насилие (прибьет, высечет, больно)*. В переводе Генкеля упущены лексемы (*сначала..., а потом...*), указывающие на последовательность наказаний, которые применит мать к своему ребенку. Для передачи семантики просторечных существительных *прибьет* и *высечет* Генкель употребляет в первом сл учае точный глагол *wird schlagen* (*нобьёт / будет бить*), а во втором случае он вводит дополнительное уточнение **mit der Ruthe peitschen** (*ударит розгами*), которое дополнительно акцентирует факт физического насилия, которое мать применит к дочери. Перевод Кэррик выполнен по аналогичной схеме, только в ее варианте уже присутствует наречие *сначала*, обозначающее начало наказания, а второе наречие, указывающее на продолжение действия, отсутствует. Элиасберг точно воспроизводит лексемы *сначала* и *потом*, но упускает важное смысловое уточнение *больно*, и, таким образом, не в полной мере передает степень сильного физического воздействия матери на ребенка. Как и в более ранних переводах, Элиасберг добавляет инструмент физического насилия **mit Ruten züchtigen** (*розгами накажет*) и наречие *ordentlich* (*хорошенько*), эксплицирующее безжалостность к ребенку. Кроме того, он относит к последней части фразы выражение *и с позором – mit Schande aus dem Hause jagen* (*с позором из дома сгонит*). Такой смысловой перенос и использование лексемы *Haus* (*дом*) приводит к интенсификации проявления признака *уход из семьи*. Во всех культурах дом ассоциируется с комфортом и семейным уютом. Этимологическое значение слова «дом» в немецком языке связано с местом, защищающем членов семьи от негативного воздействия внешнего мира и хаоса [Duden, 1997]. Отсутствие своего дома, в том числе в экзистенциальном смысле, в немецкой культуре напрямую соотносится с метафизическим страхом потери дома [Чеснокова, 2014]. Примечательно, что существительное *дом* присутствует также в переводах Кэррик и Гайер. Таким образом, в немецких переводах за счет добавления (*из дома сгонит*) происходит дополнительное усиление признака вынужденного ухода ребенка из семьи. Наиболее приближенным к оригиналу является перевод Гайер, которой удается точно воспроизвести фразу на лексическом и синтаксическом уровне. Признак *физическое насилие*, нейтрализованный в переводе Элиасберга, в переводах Генкеля, Кэррик и Гайер усилен.

Разрушение человечности, индивидуализм, подавление и унижение близких (знаки дисгармоничных семейных отношений) – все это очевидно в поведении Алены Ивановны. Детали взаимоотношений сводных сестер и подчиненного положения Лизаветы, актуализированные признаками *насилие (терпевшая от нее даже побои)* и *рабство (работала на сестру день и ночь, была в доме вместо кухарки и прачки, шла на продажу, даже полы мыть нанималась, всё сестре отдавала, работавшая на нее день и ночь, трепетавшая перед ней)*¹⁴, необходимо воспроизвести переводчикам.

¹⁴ Там же. с. 12.

Генкель упускает один из четырех повторов ядерной лексемы *сестра*. Эффект, который возникает в оригинальном тексте благодаря нанизыванию причастий в одном предложении (*бывшая..., работавшая..., трепетавшая... и терпевшая*), усиливающий авторские признаки *насилие* и *рабство*, переводчик нейтрализует тем, что разбивает целое предложение на два. В переводе Элиасберга обнаруживаются некоторые лексические трансформации: единичная замена *сестра* на *старуха* (*Alten*), фраза *даже полы мыть нанималась* передана нейтральным выражением *работала поденщицей*. Кроме того, Элиасберг дополняет свой перевод отсутствующим в оригинале указанием на чувство огромного уважения (*уважала ее чрезвычайно*), которое испытывала Лизавета к своей сводной сестре. В результате этого в его переводе происходит нейтрализация признака *рабство*, а также объективируется признак *уважение*. Жертвенность Лизаветы (*позволяла себе быть избитой*) удастся точно передать только Гайер (*sich sogar Prügel von ihr gefallen ließ – даже мирилась с побоями от нее*). В остальных переводах оно редуцировано: Генкель – *wurde sogar geschlagen* (*была побита*), Кэррик – *sogar von ihr Schläge bekam* (*даже от нее удары получала*), Элиасберг – (*bekam von ihr zuweilen Schläge – получала от нее порой удары*).

Примечательно, что во всех переводах наблюдается отсутствующее в оригинале упоминание о зарплате, которое Лизавета отдавала своей сестре: Генкель – *gab ihren ganzen Verdienst* (*давала весь свой заработок*), Кэррик – *gab jeden Verdienst ... ab* (*отдавала каждый свой заработок*), Элиасберг – *was sie dabei verdiente, liefere sie ... ab* (*все, что она при этом зарабатывала, отдавала она*), Гайер – *lieferte alles, was sie verdiente ... ab* (*отдавала все, что она зарабатывала*). В сравнении с оригиналом (*и всё сестре отдавала*) во всех переводах наблюдается сужение смысла, так как жертвенность Лизаветы, ее готовность все отдать сестре не ограничивается только материальным.

Таким образом, признаки *насилие* и *рабство* редуцированы в переводе Элиасберга, частичная их нейтрализация отмечена в вариантах Генкеля и Кэррик. В переводе Гайер они переданы без потерь.

Важные детали к образу семьи в современной России вносит эпизод, в котором Лужин передает суть семейных отношений в его понимании, основанных на индивидуализме и жажде наживы: «...объяснил он, что **муж** ничем не должен быть обязан своей **жене**, а **гораздо** лучше, если **жена** считает **мужа** за своего **благодетеля**» (с. 51).

При работе с фрагментом, в котором в словах Лужина акцентируется внимание на иерархической модели семьи (противопоставлении социальной значимости мужчины и женщины, угнетенном положении жены), переводчикам необходимо воспроизвести признаки *рабство* и *утрата ответственности*.

Примечательно, что во всех вариантах предложение приобретает более широкое значение, чем в оригинале: «**мужчина** ничем не должен быть обязан своей **женщине**, а **гораздо** лучше, если **женщина** считает **мужчину** за своего **благодетеля**». Данный факт обусловлен тем, что переводчики используют

лексемы с более широким значением *Mann* (мужчина / муж) и *Frau* (женщина / жена), а не аналогичные русскому *Ehemann* (муж) и *Ehefrau* (жена). Таким образом, во всех вариантах позиция Лужина вышла за рамки характеристики семейных отношений, акцентирована гендерная оппозиция. В переводах подчеркнуто настойчивое желание героя сохранить зависимое положение женщины в обществе и семье, отмечено усиление негативных качеств Лужина – чрезмерного тщеславия и своеволия. Допущенные трансформации обусловлены особенностями немецкой культуры, в которой до начала второй половины XX века признавалась безусловная авторитарная модель поведения мужчины, а влияние женщины ограничивалось «4 К» Kirche, Küche, Kinder, Kleider (церковь, кухня, дети, платья) [Nuss, 1993, с. 84–89].

Работая со словесной тканью, Достоевский уделяет особое внимание настойчивому нагнетанию признаков разрушения подлинных отношений между людьми. Желание разорвать с семьей овладевает Раскольниковым сразу после преступления. При встрече героя с матерью и Дуней или воспоминании он них заметно нарастание признака *ненависть*, который становится особенно явным в третьей части романа после встречи со следователем: «**Мать, сестра, как любил я их! Отчего теперь я их ненавижу? Да, я их ненавижу, физически ненавижу, подле себя не могу выносить...**» (с. 212).

Короткие, эмоциональные фразы Раскольникова в первом и втором предложении Генкель воспроизводит достаточно точно, в начале фразы он с помощью тире даже усиливает напряжение, создаваемое с помощью особого синтаксического рисунка *Mutter, Schwester, – wie hatte ich so lieb!* (Мать, сестра, – как я их любил!), подчеркивающего резкое противопоставление переживаемых Раскольниковым чувств по отношению к родным на фоне еще недавнего сострадания и любви к ним. Генкель заменяет лексему *физически* на *wirklich* (действительно / в самом деле), и, таким образом, предложение утрачивает указание на важную психологическую деталь, происходящую в душе преступника, – физическую неприязнь к близким и родным людям. Достаточно ёмкое выражение *подле себя не могу выносить* Генкель передает с помощью целой конструкции *ne mogu это терпеть их возле себя видеть* (*kann es nicht ausstehen sie neben mir zu sehen*), заменяя при этом глагол *выносить* на *видеть* (*sehen*). И, таким образом, несколько нейтрализует признак *ненависть*. В трех более поздних переводах отмечается точное следование оригиналу. Примечательно, что в варианте Гайер внимание на обозначенную Раскольниковым дистанцию в отношениях с матерью и сестрой дополнительно акцентировано за счет повторяющегося притяжательного местоимения *моя* – *Meine Mutter, meine Schwester* (моя мать, моя сестра). Такой прием подчеркивает бережное и любовное отношение героя к самым близким людям, которое он испытывал ранее.

Новое авторское осмысление КС происходит в конце романа при описании моделей будущих семей за счет проявления традиционного в РЯКМ признака *единство*, позволяющего Достоевскому изобразить процесс восстановления

семейных ценностей. Впервые данная тенденция прослеживается в словах Раскольникова, обращенных к Соне в кульминации романа: «*Пойдем вместе... Я пришел к тебе. Мы вместе прокляты, вместе и пойдем <...> Нам вместе идти одной дорогой*» (с. 252).

В переводах Генкеля, Кэррик и Элиасберга обращает на себя внимание использование модальных глаголов *wollen* (*хотеть / нужно*) и *müssen* (*должны*)¹⁵. Последний глагол в данном случае выражает семантику долженствования, в то время как в оригинале в словах Раскольникова, оформленных двусоставным предложением с однородными сказуемыми в форме страдательного залога (*мы прокляты...пойдем*), содержится указание на особое стечение обстоятельств (волею судеб предначертано быть вместе и идти одной дорогой – прим. мое – Е.Г.). Оно прочитывается за счет формы сказуемого (*мы...прокляты, нам...идти*) и отсутствия субъекта действия (Бога). Гайер достигает наиболее точного смыслового соответствия тексту подлинника благодаря использованию глагола *lassen* в форме *laß* (*Laß uns zusammen gehen / Пойдем вместе*), повторяющегося в переводе дважды и выполняющего ту же функцию, что и конструкция со страдательным залогом в русском.

Признак *единство* в тексте оригинала усиливается за счет особого синтаксического рисунка – коротких фраз, а также повторов лексемы *вместе*. Генкелю не удается передать данную особенность стиля Достоевского, он прибегает к дополнительным уточнениям: *Wir wollen nun zusammengehen* (*мы должны идти теперь*), *Ich bin deshalb zu dir gekommen* (*Я поэтому к тебе пришел*), *und deshalb wollen wir auch beisammen bleiben!* (*и поэтому мы должны также вместе остаться!*), *also müssen wir* (*так что мы должны*), а также не воспроизводит два из четырех повторов лексемы *вместе*, сначала производя ее замену на *оба* (*Beide*) в начале третьего предложения, а затем вовсе игнорирует ее употребление в конце предложения. Кэррик и Гайер также заменяют одно из четырех повторов наречия *вместе*. Элиасберг сохраняет все повторы. В переводах Кэррик и Элиасберга заметно усиление эмоциональности фразы благодаря знаком восклицания, присутствующим в их переводе в третьей и четвертой фразах.

Таким образом, постепенное осознание Раскольниковым равенства всех людей перед Богом проявлено через желание сблизиться с Соней и обрести в ее лице спутника, который поможет облегчить его душевные страдания и сможет поддержать на тернистом пути к возрождению. Гайер удалось наиболее точно передать эту особенность и решить задачу воспроизведения признака *единство*, в вариантах Кэррик и Элиасберга наблюдается его частичное усиление.

Дополнительные штрихи к осмыслению судьбы семьи в современном обществе в развязке романа вводятся через слова Лебезятникова, рассуждающего о «молодых прогрессистах» и коммунах, получивших распространение в пореформенной России: Контексты актуализируют признаки *утрата ответственности и презрение к традициям*: «*Вон у нас обвиняли было Терехьеву*

¹⁵ Должны идти вместе – прим. мое. – Е.Г.

(вот что теперь в коммуне), что когда она вышла из семьи и... отдалась, то написала матери и отцу, что не хочет жить среди предрассудков и вступает в гражданский брак, и что будто бы это было слишком грубо, с отцами—то <...> Вон Варенц семь лет с мужем прожила, двух детей бросила, разом отрезала мужу в письме <...> что существует другое устройство общества, посредством коммун. Я недавно всё это узнала от одного великодушного человека, которому и отдалась, и вместе с ним завожу коммуну» (с. 282).

Никому из переводчиков в достаточной мере не удалось воспроизвести семантику выражения *разом отрезала*, указывающего на бескомпромиссность принятых женщинами решений. В связи с отсутствием полных аналогов данного словосочетания в немецком языке, во всех случаях перевода отмечается смягчение тональности фразы: Генкель – *schrieb ihm kurz und deutlich* (написала коротко и ясно), Керрик – *hat die Wahrheit gesagt* (сказала правду), Элиасберг – *hat unzweideutig gesagt* (однозначно сказала), Гайер – *kurz und bündig erklärt* (кратко и убедительно объяснила), что приводит к нейтрализации признака *утрата ответственности*.

В ранних переводах, выполненных Генкелем и Керрик, понятие гражданский брак заменено на *нелегальный брак* (*illegal Ehe*). Это обусловлено определенными культурными различиями. Термин «гражданский брак» в русской культуре обозначает официально не зарегистрированный брак. Он также обозначает совместную форму проживания гражданина и гражданки. Прилагательное *illegal* (*нелегальный*) в обоих случаях перевода подчеркивает юридический аспект данного явления. Для обозначения особой формы незарегистрированного законом брака Элиасберг использует лексему *>bürgerliche<* (*>гражданский<*). С помощью данного прилагательного и его визуального оформления (одинарные кавычки) переводчик акцентирует внимание на особом статусе данного союза между мужчиной и женщиной, на его отличии от законного (*bürgerliche Eheschließung*) и церковного брака (*kirchliche Trauungen*) [Duden, 2001]. Гайер использует лексему *Zivilehe* (*социальный брак*), обладающую более широким значением, которая в немецком языке разграничивает понятия «брак, регулируемый государством» (*der staatlich geregelten Ehe*), «бракоподобное жизненное сообщество» (*eheähnliche Lebensgemeinschaft*) и «религиозный брак» (*religiöse Ehe*) [Duden, 2001]¹⁶. Таким образом, переводчикам удалось достаточно точно передать иную, отличную от традиционной для русской культуры форму союза между мужчиной и женщиной.

Различия двух языков не позволили в достаточной степени передать выражение *с отцами-то*. Все переводчики используют существительное во множественном числе *родители* (*Eltern*). Данный факт обусловлен невозможностью лексической репрезентации в немецком языке частицы «то», дополняющей в тексте оригинала слово *отцы*. И, таким образом, языковая

¹⁶ Подробно об этом: *Zivilehe*. URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Zivilehe> (08.03.2021); *Eheähnliche Gemeinschaft*. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Ehe%C3%A4hnliche_Gemeinschaft (08.03.2021).

асимметрия не позволяет в полной мере передать смысловой акцент, который присутствует в романе, – указание на роль главы семьи и его ответственности за сохранение ее целостности. Как и в рассмотренных ранее эпизодах, переводчики используют лексемы *Mann* (*мужчина / муж*) и *Frau* (*женщина / жена*), имеющие более широкое значение, поэтому различия между *муж* и *мужчина*, которые присутствуют в оригинальном тексте, в переводах не имеет столь очевидной дифференциации. Это приводит к тому, что аксиологическое значение признаков *утрата ответственности* и *презрение к традициям* нивелируется.

В варианте перевода, предложенном Генкелем, стиль речи Лебезятникова искажен за счет присутствия оборотов, которые существенно корректируют его язык, приближая его к литературному: *способ обращения* (*Handlungsweise*), *у нее больше нет воздуха* (*sie keine Luft mehr habe*), *оставила в беде* (*ließ... im Stich*), *сделала радикальней* (*hat es radikalen gemacht*), *замужем была* (*verheiratet gewesen war*), *собирается основать* (*zu gründen im Begriffe bin*). Генкель изменяет целое начало фразы «Вон у нас обвиняли было» на эмоционально более сглаженное «Таким же образом было это также тогда с Теребьевой» (*Ebenso war es auch damals mit der Terebjewa*). Керрик при характеристике Теребьевой также использует уточнение *zeitlang* – *вечно* (*осуждали* – прим. мое. – Е.Г.) и меняет тональность выражения – **andere gesellschaftliche Einrichtung, nämlich die Kommune existiert** (**другой социальный институт, именно в котором существуют коммуны**). Такой практически энциклопедический способ выражения мыслей Лебезятникова, присутствующий в двух ранних переводах, приводит не только к искажению речевого портрета персонажа, но за счет снижения эмоциональности его речи сказывается на нейтрализации признаков *утрата ответственности* и *презрение к традициям*. Ни Генкелю, ни Кэррику не удалось воспроизвести повтор лексемы «вон», маркирующий речь Лебезятникова как просторечную. Так же этот нюанс не передан и в двух более поздних вариантах. Таким образом, в переводах Генкеля и Кэррика невозможно через речь Лебезятникова прочесть очень тонкий намек на неприятие Достоевским такого устройства общества, противоречащего традиционным представлениям о семье и браке.

Таким образом, на первый взгляд, можно предположить, что при передаче разнообразных смысловых оттенков, связанных с проблемой семьи, в переводах будет меньше потерь, поскольку семья принадлежит кругу базовых ценностей традиционных культур. Однако универсальность смыслов не гарантирует точности воспроизведения ряда авторских признаков КС и проявляющихся в связи с этим особенностей национального характера. Задачу переводчиков усложняют особенности индивидуально-авторского стиля Достоевского, степень передачи которых влияет на сохранность как аксиологических доминант романа, так и художественно-эстетической функции произведения.

За счет лексических вкраплений, отсутствующих в оригинальном тексте, в варианте, предложенном Генкелем, речевой портрет Мармеладова выглядят стилистически несколько более сглаженными. Это приводит к тому, что речь

персонажа в первом переводе не в полной мере способна передать читателю его смешанные чувства: трагедию, боль, сожаление и неспособность защитить семью, в редуцированной форме изображено такое качество характера Мармеладова как его мечтательность. Поэтому в раннем переводе романа *признак утрата ответственности* передан редуцированно. В переводе Гайер наблюдается нейтрализация признака *болезнь* за счет систематического использования лексем, акцентирующих внимание читателя на признаке *мучительство*. Благодаря внимательному отношению к выбору лексики, обозначающей неприглядный топос, окружающий Мармеладова, переводчикам удалось достаточно точно передать реалии русского мира.

При описании различных моделей семьи во всех немецких переводах наблюдается усиление признака *вынужденного ухода* ребенка из семьи, что, вероятно, обусловлено особой ролью отчего дома в немецкой культуре. Признак *физическое насилие* нейтрализован в переводе Элиасберга, а в переводах Генкеля, Кэррик и Гайер усилен. Нейтрализация признаков *насилие* и *рабство* при изображении отношения Алены Ивановны к сестре также отмечается в переводе Элиасберга, Генкеля и Кэррик. При воспроизведении позиции Лужина о зависимой роли жены по отношению к мужу все переводчики, наоборот, усиливают признак *рабство*. Это обусловлено выбором ими лексем с более широким значением, а также, вероятно, особым положением женщины в немецком обществе (тема неравенства в правах по отношению к мужчине становится особенно актуальной в немецкой культуре, что отражено в литературе второй половины XIX века)¹⁷.

Признак *единство* редуцирован в переводе Генкеля, в вариантах Кэррик и Элиасберга наблюдаются смысловые потери при его передаче за счет изменения синтаксиса в сравнении с текстом подлинника. Точного его воспроизведения добивается Гайер, что обусловлено ее вниманием к особому порядку слов и выбору лексических единиц. Признаки *утрата ответственности* и *презрение к традициям* несколько нейтрализованы в ранних переводах. Это обусловлено особенностями осмысления понятия «гражданский брак» в немецкой и русской культурах, различиями обоих языков, которые не позволяют передать мельчайшие нюансы на уровне лексики и синтаксиса, а также недостаточным вниманием Генкеля и Кэррик к оттенкам речи различных персонажей романа.

Сопоставление разновременных переводов позволило установить положительную динамику при передаче нюансов стиля писателя, что обусловлено рядом факторов, среди которых важное место занимает развитие литературоведения и переводоведения. Наиболее успешно с задачей воспроизведения как авторских, так и традиционных для РЯКМ признаков КС удалось справиться Гайер, которая стремится к их правильной объективации в смысловом пространстве романа.

В результате проведенного анализа выявлено, что универсальный для обеих культур КС в переводах романа Достоевского «Преступление и наказание» на немецкий язык в целом передан достаточно полно в связи с выраженной

¹⁷ См. подробнее об этом в работе [Чернышева, 2016].

общностью в семантической структуре концепта в немецком и русском языках. Это позволило переводчикам воспроизвести его основные аксиологические доминанты, заложенные в романе. Однако в связи с множеством деталей, которые вскрывают особенности языка и уникальность каждой культуры, в переводах наблюдаются не только некоторые потери, но и приращения смыслов, связанные, как правило, с языковой и культурной асимметрией двух языков и недостаточным вниманием переводчиков к мельчайшим особенностям стиля Достоевского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Булгакова, Н. О. Рецепция романа Ф. М. Достоевского «Бесы» во французской словесной культуре: дис. ... канд. филол. наук. Специальность: 10.01.01 – русская литература / Н. О. Булгакова. – Томск, 2018. – 304 с.

Васильева, Т. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в интерпретации немецких переводчиков: дис. ... канд. филол. наук. Специальность 10.01.01 – русская литература / Т. В. Васильева. – Великий Новгород, 2008. – 216 с.

Головачева, Е. А. К вопросу о выделении базовых концептов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Филологические чтения ЯрГУ им. П. Г. Демидова: Материалы конф. Ярославль, 22–23 мая 2017 г. / Е. А. Головачева. – Ярославль: Ярославский гос. ун-т им. П. Г. Демидова, 2017. – С. 25–29.

Головачева, Е. А. Концепт «семья» в смысловой структуре и поэтике романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» / Е. А. Головачева, О. В. Седельникова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2020. Т. 42. № 3. – С. 8–18. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.459.

Гунышова, Г. А. Концепт FAMILIE в немецкой языковой картине мира: на материале текстов нормативного и публицистического дискурсов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки / Г. А. Гунышова. – Кемерово, 2007. – 251 с.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4: С–V. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 576 с.

Добровольская, Е. В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.04. – германские языки / Е. В. Добровольская. – Новосибирск, 2005. – 203 с.

Достоевский и XX век: сб. ст. в 2 т. / под ред. Касаткиной Т. А. Т. 1–2. – Москва: ИМЛИ РАН, 2007.

Достоевский: Материалы и исследования: сб. ст. Т. 20 / под ред. Баршт К. А., Будановой Н. Ф. – Санкт-Петербург: ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, 2013. – 657 с.

Дудкин, В. В. Достоевский в Германии (1846–1921): обзор / В. В. Дудкин, К. М. Азадовский // Литературное наследство. – Москва: Наука, 1973. Т. 86: Ф. М. Достоевский: новые материалы и исследования. – С. 657–740.

Занегина, Н. Н. Концепт «семья» в русском литературном языке и принципы его описания: дис. ... канд. филол. наук. Специальность 10.02.01 – русский язык / Н. Н. Занегина. – Москва, 2011. – 254 с.

Корневская, О. В. Репрезентация русского мира в немецких переводах романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: дис. ... канд. филол. наук. Специальность 10.01.01 – русская литература / О. В. Корневская. – Томск, 2011. – 234 с.

Кэррик, Л. Достоевский и “другая Европа”: афоризмы, статьи, эссе, путевая проза, письма / Л. Кэррик; Лесс Кэррик; [сост., пер. с нем., предисл. и коммент. Г. Е. Потоповой]; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН. – Санкт-Петербург: Пушкинский Дом, 2017. – 700 с.

Михневич, В. Исторические этюды русской жизни. Т. 3. Язвы Петербурга / В. Михневич. – Санкт-Петербург: Типография Ф. С. Сущинского, 1886. – 543 с.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3: Муза – Сят. / Е. В. Добровольская. – Москва: Прогресс, 1987. – 832 с.

Фокин, С. Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX в. / С. Л. Фокин. – Санкт-Петербург: РХГА, 2013. – 396 с.

Чернышева, Л. А. Тема положения женщины в немецком романе второй половины XIX века / Л. А. Чернышева // Наука в современном мире: приоритеты развития. – 2016. – № 1 (2). – С. 93–96.

Чеснокова, Л. В. Концепт Heim (дом, домашний очаг): убежище от экзистенциального страха в немецкой культуре. Национальный характер и менталитет / Л. В. Чеснокова // Философия и культура. – 2014. – № 5. – С. 719–724.

Шатохина, А. О. Роман Ф. М. Достоевского «Игрок» в английских переводах: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 – русская литература / А. О. Шатохина. – Томск, 2020. – 414 с.

Backès, J.-L. Dostoievski en France (1884–1930): Thèse de doctorat d'Etat. Dactylographiée. – Paris: Paris-Sorbonne, 1972. – 712 p.

Demandt, A. Über die Deutschen. Eine kleine Kulturgeschichte. – Berlin: Propyläen, 2007. – 80 s.

Die Sprache des “Feindes” als Befreierin. – URL: <https://www.swissinfo.ch/ger/die-sprache-des-feindes-als-befreierin/8163458> (12.06.2020).

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. – URL: <https://www.dwds.de/wb/Kneipe> (13.09.2020).

Dostojewski, F. M. Raskolnikow: Roman. / Übersetzt v. W. Henckel. in 4 B. – Leipzig: Verlag v. W. Friedrich, 1882.

Dostojewski, F. Rodion Raskolnikoff. (Schuld und Sühne). – München: Piper, 1908. – 827 s.

Dostojewski, F. Verbrechen und Strafe. Deutsch von Alexander Eliasberg. Kiepenheuer. – Potsdam, 1921. – 708 s.

Dostojewski, F. Verbrechen und Strafe: Raskolnikows Schuld und Sühne. – Berlin: Hofenberg, 2015. – 398 s.

Dostojewski, F. Verbrechen und Strafe: Raskolnikows Schuld und Sühne. – Berlin: Henricus, 2019. – 708 s.

Dostojewskij, F. Verbrechen und Strafe. Roman in der Neuübersetzung von Swetlana Geier. – Zürich: Ammann Verlag, 1994. – 768 s.

Duden. – URL: <https://www.duden.de/> (12.01.2020).

Duden. Deutsches Universalwörterbuch 4, neu bearbeitete und erweiterte Auflage/hrsg. von der Dudenredaktion. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2001. 1892. – 1816 s.

Duden. Sinn-und sachverwandte Wörter Synonymwörterbuch der deutschen Sprache/ hrsg. u. bearb. von Wolfgang Müller. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1997. 1892. – 872 s.

Eheähnliche Gemeinschaft [Elektronnyj resurs]. – URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Ehe%C3%A4hnliche_Gemeinschaft (08.03.2021).

Gerigk, H.-J. Dostojewskij, der «vertrackte Russe». Die Geschichte seiner Wirkung im deutschen Sprachraum vom Fin de Siècle bis heute. – Tübingen: Attempto Verlag, 2000. – 93 s.

Kneipe. – URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Kneipe> (12.12.2019).

Leatherbarrow, W. J. Dostoevskii and Britain / Ed. by W. J. Leatherbarrow. – Oxford; Providence, USA: Berg Publishers Ltd, 1995. – 310 p.

Loew, R. Wilhelm Henckel: Buchhändler – Übersetzer – Publizist. Aus der Geschichte der deutsch-russischen Kulturbeziehungen des 19. Jahrhunderts. – Frankfurt/Main: Lang, 1995. – 193 s.

Münch, P. Ordnung, Fleiß und Sparsamkeit. Texte und Dokumente zur Entstehung der «bürgerlichen Tugenden». – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1984. – 376 s.

Nuss, B. Das Faust-Syndrom. Ein Versuch über die Mentalität der Deutschen – Bonn; Berlin: Bouvier Verlag, 1993. – 213 s.

Pross, H. Was ist heute deutsch? Wertorientierungen in der Bundesrepublik. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Verlag, 1982. – 158 s.

Rayfield, D. Whoknowshedunit? (Fyodor Dostoevsky. Crime and Punishment Translated by Nicolas Pasternak Slater) / D.Rayfield // The Times Literary Supplement. 2018, January, 16. –URL: <https://www.thetls.co.uk/articles/public/crimeandpunishmenttranslation> (01.08.2018).

Vogüé, E.-M. Le Roman Russe. 1886. – URL: http://bibliotheque-russe-et-slave.com/Livres/Vogue%20-%20Le%20Roman%20russe.htm#_Toc300314526 (01.08.2018).

Vykoupil, S. Erlebte Rede und impressionistischer Stil Europäische Erzählprosa im Vergleich mit ihren deutschen Übersetzungen. – Göttingen: Wallstein Verlag, 1995. – 211 p.

Vykoupil, S. Erlebte Rede und impressionistischer Stil Europäische Erzählprosa im Vergleich mit ihren deutschen Übersetzungen. – Göttingen: Wallstein Verlag, 1995. – 211 p.

Wahrig. Deutsches Wörterbuch 8., vollständig neu bearbeitete und aktualisierte Auflage. – Wissen Meida Verlag GmbH., 2006. – 1728 s.

Zivilehe. – URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Zivilehe> (08.03.2021).

REFERENCES

Bulgakova, N. O. Recepcija romana F. M. Dostoevskogo «Besy» vo francuzskoj slovesnoj kulture: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01 – russkaya literatura / N. O. Bulgakova. – Tomsk, 2018. – 304 s.

Chernysheva, L. A. Tema polozhenija zhenshiny v nemeckom romane vtoroj poloviny XIX veka / L. A. Chernysheva // Nauka v sovremennom mire: priorityety razvitija. – 2016. – № 1 (2). – S. 93–96.

Chesnokova, L. V. Koncept Heim (dom, domashnij ochag): ubezhishhe ot jekzistencial'nogo straha v nemeckoj kul'ture. Nacional'nyj karakter i mentalitet / L. A. Chesnokova // Filosofija i kul'tura. – 2014. – № 5. – S. 719–724.

Dal, V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. T. 4: S – V. M.: OLMA-PRESS, 2002. 576 s. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 3: Muza – Syat. – Moskva: Progress, 1987. – 832 s.

Dobrovol'skaja, E. V. Konceptualizacija sem'i v russkoj jazykovoj kartine mira: dis. ... kand. filol. nauk. 10.02.04 – germanskije yazyki / E. V. Dobrovol'skaja. – Novosibirsk, 2005. – 203 s.

Dostoevskij i XX vek: sb. st. v 2 t. / pod red. Kasatkinoj T. A. T. 1–2. – Moskva: IMLI RAN, 2007.

Dudkin, V. V. Dostoevskij v Germanii (1846–1921): obzor / V. V. Dudkin // Literaturnoe nasledstvo. – Moskva: Nauka, 1973. T. 86: F. M. Dostoevskij: novye materialy i issledovaniya. – S. 657–740.

Eheähnliche Gemeinschaft. – URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Ehe%C3%A4hnliche_Gemeinschaft (08.03.2021).

Fasmer, M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka: v 4 t. T. 3: Muza – Sjat. / E. V. Dobrovol'skaja. – Moskva: Progress, 1987. – 832 s.

Fokin, S. L. Figury Dostoevskogo vo francuzskoj literature XX v. / S. L. Fokin. – Sankt-Peterburg: RHGA, 2013. – 396 s.

Golovacheva, E. A. K voprosu o vydelenii bazovyh konceptov romana F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» / E. A. Golovacheva // Filologicheskie chtenija JarGU im. P. G. Demidova: Materialy konf. Jaroslavl', 22–23 maja 2017 g. / Sost. E. A. Fedorova. Jaroslavl': Jaroslavskij gos. un-t im. P. G. Demidova, 2017. – S. 25–29.

Golovacheva, E. A. Koncept «sem'ja» v smyslovoj strukture i pojetike romana F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» / E. A. Golovacheva // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2020. T. 42. – № 3. – S. 8–18.

Gunyashova, G. A. Koncept FAMILIE v nemeckoj yazykovoj kartine mira: na materiale tekstov normativnogo i publicisticheskogo diskursov: dissertaciya ... kand. filol. nauk: 10.02.04 – germanskije yazyki / G. A. Gunyashova. – Kemerovo, 2007. – 251 s.

Korenevskaja, O. V. Reprerentacija ruskogo mira v nemeckih perevodah romana F. M. Dostoevskogo «Brat'ja Karamazovy»: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01 – ruskaja literatura / O. V. Korenevskaja. – Tomsk, 2011. – 234 s.

Kjerrick, L. Dostoevskij i “drugaja Evropa”: aforizmy, stat'i, jesse, putevaja proza, pis'ma / L. Kjerrick; Less Kjerrick; [sost., per. s nem., predisl. i komment. G. E. Potopovoj]; In-t rus. lit. (Pushkinskij Dom) RAN. – Sankt-Peterburg: Pushkinskij Dom, 2017. – 700 s.

Mihnevich, V. Istoricheskie etyudy ruskoi zhizni. T. 3. YAzvy Peterburga / V. Mihnevich. – Sankt-Peterburg: Tipografija F. S. Sushchinskogo, 1886. – 543 s.

Shatokhina, A. O. Roman F. M. Dostoevskogo «Igrok» v anglijskih perevodah: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01 – ruskaja literatura / A. O. Shatokhina. – Tomsk, 2020. – 414 s.

Vasiljeva, T. V. Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» v interpretacii nemeckih perevodchikov: diss... kand. filol. nauk. 10.01.01 – ruskaja literature / T. V. Vasiljeva. – Velikij Novgorod, 2008. – 216 s.

Zanegina, N. N. Koncept «sem'ja» v ruskom literaturnom jazyke i principy ego opisanija: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 – ruskij yazyk / N. N. Zanegina. – Moskva, 2011. – 254 s.

Backès, J.-L. Dostoievski en France (1884–1930): Thèse de doctorat d'Etat. Dactylographiée. – Paris: Paris-Sorbonne, 1972. – 712 p.

Demandt, A. Über die Deutschen. Eine kleine Kulturgeschichte. – Berlin: Propyläen, 2007. – 80 p.

Die Sprache des “Feindes” als Befreierin. – URL: <https://www.swissinfo.ch/ger/die-sprache-des-feindes-als-befreierin/8163458> (12.06.2020).

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. – URL: <https://www.dwds.de/wb/Kneipe> (13.09.2020).

Dostoevskii and Britain / Ed. by W. J. Leatherbarrow. – Oxford; Providence, USA: Berg Publishers Ltd, 1995. – 310 p.

Dostojevski, F. M. Raskolnikow: Roman. / Übersetzt v. W. Henckel. in 4 B. – Leipzig: Verlag v. W. Friedrich, 1882.

Dostojevski, F. Rodion Raskolnikoff. (Schuld und Sühne). – München: Piper, 1908. – 827 p.

Dostojevski, F. Verbrechen und Strafe. Deutsch von Alexander Eliasberg. Kiepenheuer. – Potsdam, 1921. – 708 p.

Dostojevski, F. Verbrechen und Strafe: Raskolnikows Schuld und Sühne. – Berlin: Hofenber, 2015. – 398 p.

Dostojevski, F. Verbrechen und Strafe: Raskolnikows Schuld und Sühne. – Berlin: Henricus, 2019. – 708 p.

Dostojewskij, F. Verbrechen und Strafe. Roman in der Neuübersetzung von Swetlana Geier. – Zürich: Ammann Verlag, 1994. – 768 p.

Duden. – URL: <https://www.duden.de/> (12.01.2020).

Duden. Deutsches Universalwörterbuch 4., neu bearbeitete und erweiterte Auflage/hrsg. von der Dudenredaktion. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2001. 1892. – 1816 p.

Duden. Sinn-und sachverwandte Wörter Synonymwörterbuch der deutschen Sprache/ hrsg. u. bearb. von Wolfgang Müller. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1997. 1892. – 872 p.

Gerigk, H.-J. Dostojewskij, der «vertrackte Russe». Die Geschichte seiner Wirkung im deutschen Sprachraum vom Fin de Siècle bis heute. – Tübingen: Attempto Verlag, 2000. – 93 p.

Kneipe. – URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Kneipe> (12.12.2019).

Leatherbarrow, W. J. Dostoevskii and Britain / Ed. by W. J. Leatherbarrow. – Oxford; Providence, USA: Berg Publishers Ltd, 1995. – 310 p.

Loew, R. Wilhelm Henckel: Buchhändler – Übersetzer – Publizist. Aus der Geschichte der deutsch-russischen Kulturbeziehungen des 19. Jahrhunderts. – Frankfurt/Main: Lang, 1995. – 193 p.

Münc, P. Ordnung, Fleiß und Sparsamkeit. Texte und Dokumente zur Entstehung der «bürgerlichen Tugenden». – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1984. – 376 p.

Nuss, B. Das Faust-Syndrom. Ein Versuch über die Mentalität der Deutschen – Bonn; Berlin: Bouvier Verlag, 1993. – 213 p.

Pross, H. Was ist heute deutsch? Wertorientierungen in der Bundesrepublik. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Verlag, 1982. – 158 p.

Rayfield, D. Whoknowshedunit? (Fyodor Dostoevsky. Crime and Punishment Translated by Nicolas Pasternak Slater) / D. Rayfield // The Times Literary Supplement. 2018, January, 16. – URL: <https://www.thetls.co.uk/articles/public/crimeandpunishmenttranslation>. (01.08.2018).

Vogüé E.-M. Le Roman Russe. 1886. – URL: http://bibliotheque-russe-et-slave.com/Livres/Vogue%20-%20Le%20Roman%20russe.htm#_Toc300314526 (01.08.2018).

Vykoupil, S. Erlebte Rede und impressionistischer Stil Europäische Erzählprosa im Vergleich mit ihren deutschen Übersetzungen. – Göttingen: Wallstein Verlag, 1995. – 211 p.

Vykoupil, S. Erlebte Rede und impressionistischer Stil Europäische Erzählprosa im Vergleich mit ihren deutschen Übersetzungen. – Göttingen: Wallstein Verlag, 1995. – 211 p.

Wahrig. Deutsches Wörterbuch 8., vollständig neu bearbeitete und aktualisierte Auflage. – Wissen Meida Verlag GmbH., 2006. – 1728 p.

Zivilehe. [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Zivilehe> (08.03.2021).